

«Большой друг белорусского народа»: Ойген фон Энгельгардт и его одиссея

В статье рассматривается биография Ойгена фон Энгельгардта (1899–1948), германо-балтийского аристократа, автора первой немецкоязычной монографии о Белоруссии. Человек авантюрного склада, Энгельгардт успел побывать солдатом, помещиком, специалистом по лесному хозяйству и совершить кругосветное путешествие, прежде чем выбрать карьеру академического исследователя. Интерес к белорусской проблематике связан с происхождением Энгельгардта, который родился и вырос на юго-востоке Курляндии, в местах компактного проживания белорусов. Тесно связанный с нацистским движением, в годы Второй мировой войны Энгельгардт выступил одним из теоретиков так называемой «мягкой линии» восточной оккупационной политики. Она предусматривала ряд экономико-политических преференций для белорусов с целью дальнейшего привлечения их на сторону немцев. В своей концепции Энгельгардт, выходец из земельной аристократии, во многом исходил из домодерной модели взаимоотношений «вассал — сюзерен», которая не сочеталась с характером нацистской политики на Востоке. Кроме того, подход Энгельгардта к изучению белорусов содержал ряд серьезных изъянов. Тем не менее его главная работа, «Белоруссия: страна и ее народ», долгое время оставалась в Германии единственной обобщающей работой по указанному региону. Ключевые слова: *Германия, Белоруссия, балтийские немцы, германо-белорусские отношения.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.1-2.1.14

В последние дни 1948 г. в белорусской газете «Отчизна», выходящей в Мюнхене, появился обширный некролог, посвященный «выдающемуся ученому, одаренному писателю и большому другу белорусского народа» Ойгену фон Энгельгардту. Автор текста, известный в диаспоре интеллектуал Витовт Тумаш, отмечал, что покойный «с самого детства глубоко познал и полюбил белорусский язык, обычаи и белорусский народ». Именно эта связь, как следовало из некролога,

подтолкнула Энгельгардта «к терпеливой и усердной работе по научному изучению Белоруссии». Как писал автор, в знак признания заслуг Энгельгардта «каждый белорус склоняет сегодня свою голову с почтением и великим сожалением»¹.

Стоит отметить, что Энгельгардт, умерший осенью 1948 г. в туберкулезном санатории в Баварии, был сведущ не только в белорусских делах. За свои неполные пятьдесят лет он, как и многие представители его поколения, прожил сразу несколько разных жизней, а все вместе они напоминали настоящую одиссею. При этом, в полном соответствии с эпосом, Энгельгардт всякий раз, физически или мысленно, возвращался в свои владения — пограничье нынешних Латвии, Литвы и Белоруссии, ставшее его судьбой.

Жизнь первая: Маленький принц (1899–1918)

Барон Ойген фон Энгельгардт появился на свет в Сочельник 1899 г. в семейном поместье Шёнхайден, затерянном в лесах между Иллукстом и Двинском. Он происходил из курляндской ветви именитого и знатного рода, чьи представители столетиями занимали ведущие посты в Российской империи. Как известно, Курляндия вошла в состав российского государства в 1795 г., значительно позже двух других балтийских провинций, и даже сто лет спустя сохраняла выраженное своеобразие. В свое время герцогство Курляндское долго находилось в орбите влияния Речи Посполитой. Из-за этого на его территории бок о бок с немцами, помимо латышей, жили поляки, литовцы и белорусы.

Историческая память о польско-литовских временах наложила глубокий отпечаток на сознание местных дворян. Как вспоминал дальний родственник Ойгена, писатель Алексей фон Энгельгардт, их семьи были в большей степени связаны дружескими и родственными узами с польскими помещиками соседней Ковенской губернии, чем с другими балтийцами². Первым Энгельгардтом в Шёнхайдене стал прадед Ойгена — Роберт (1798–1840), мать которого была польской дворянкой. До этого родовым именем в течение столетий был Альт-Борн, располагавшийся в старом Задвинском герцогстве, когда-то совместном владении Польши и Литвы. Даже перебравшись в соседнюю

1 *Максімовіч В. [Тумаи В.] Аўген фон Энгельгардт // Бацькаўшчына. 1948. № 41 (44). С. 2.*

2 *Engelhardt A. v. Die Kavaliers von Illuxt: Erinnerungsblätter aus dem Gottesländchen gesammelt von einem alten Kurländer. München, 1949. S. 25–35.*

Курляндию, Энгельгардты жили в той ее части, которую занимала историческая Селония, также долгое время входившая в состав Великого княжества Литовского. С другой стороны, на фоне более урбанизированных Эстляндии и Лифляндии Курляндия в значительной степени сохраняла сельский облик. Жизненный уклад Энгельгардтов носил выраженные патриархальные черты, и в этой картине мира они выступали покровителями своих «добрых подданных». Иллуцетский уезд, в котором располагался Шёнхайден, в шутку, хотя и не без оснований, именовали «герцогством Энгельгардтским»³.

Именно в такой идиллической атмосфере рос юный Ойген. Как настоящий принц, он много времени проводил вне дома, исследуя фамильные владения. В этническом многообразии этой части Курляндии он особо выделял для себя белорусов. В его родных местах они по переписи 1897 г. составляли вторую по численности группу населения после латышей, обогнав великороссов и сравнявшись с поляками⁴. Как вспоминал Энгельгардт, «дети белорусских крестьян были его первыми товарищами по играм», а значительная часть лесничих, рабочих и слуг в родительском хозяйстве была белорусского происхождения⁵.

Здесь сразу же возникает интересный вопрос, кого Энгельгардт «воображал» белорусами. По его словам, он впервые столкнулся с белорусами на основной территории их расселения только осенью 1918 г., когда служил в Минске и Орше, а «белорусским вопросом» начал основательно заниматься лишь в 1930-е гг. В этом смысле представляется очень сомнительным, что Энгельгардт, выросший в регионе длительного межкультурного взаимодействия, мог с уверенностью отделять одну культуру от другой. Очевидно, для категоризации окружавших его сообществ он пользовался теми же инструментами, что и имперские власти, а именно принципами религии и языка. При этом, насколько можно видеть, второй принцип оказывался превалирующим. Так, в своих мемуарах Энгельгардт, наряду с латышами, которые в его краю были главным образом католического исповедания, упоминал о специфической группе *мухобродов* — тоже католиков, по одной из версий, потомков белорусских переселенцев, давно смешавшихся с местным латышским населением, но сохранивших восточнославянский язык. Местные краеведы так и не пришли к единому

3 Ibid. S. 5.

4 Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1905. Т. 19. Курляндская губерния. С. 186.

5 *Engelhardt E. v. Weissruthenien: Volk und Land*. Berlin, 1943. S. 9.

мнению, отождествлять их с белорусами или нет. Симптоматичным, однако, являлось то, что таких «белорусов» впоследствии призывали как раз в Латышский легион СС⁶.

Таким образом, Энгельгардт включил эту переходную группу в воображаемое белорусское пространство, которое возникло, когда научные исследования переплелись с впечатлениями разных периодов его жизни и романтической ностальгией по ушедшим временам. Тем не менее эти сюжеты выявляют важную особенность его сознания. Как и положено «человеку имперскому», Энгельгардт считал этничность следствием культурно-языковой традиции, а не наоборот, как полагало в то время большинство балтийцев. В этом отношении он фактически отказывался от дистиллированного немецкого характера Балтики, который продвигался местными национал-консерваторами, в пользу выраженных культурных различий, демонстрируя свою приверженность принципам домодерной империи.

Между тем ситуация на Балтике стремительно менялась. Ревизия традиционной административной автономии балтийских губерний со стороны центральных властей, а также рост национализма среди ненемецких групп способствовали возникновению у местных немцев своеобразного представления о «балтийской родине» (*baltische Heimat*). Согласно ему, все немецкое население края воображалось как некое единое сообщество потомков германских колонистов, объединенное особым культурным и духовным наследием. В ходе этого конструирования, однако, возникла серьезная проблема. Выраженное региональное своеобразие немцев Балтики поставило перед ними вопрос — сохранять ли его, оставаясь особой этнокультурной группой (балтийцами), или же влиться в состав «большой германской нации», став просто немцами, проживающими в балтийском регионе⁷.

Как представляется, ответ на этот вопрос лежал сразу в двух плоскостях. Во-первых, речь шла о готовности допустить, что «родину» формируют и другие, ненемецкие группы, для которых немец остается культурным ориентиром. С другой стороны, это подразумевало поддержание диалога с империей с целью сохранения соб-

6 *Bielenstein A.* Reiseskizzen aus dem Oberlande. Kurland. Nerft bis Gross-Born // *Baltische Monatsschrift*. 1882. Н. 8. S. 639–642; *Dokumentsammlung des Herder-Instituts (DSHI)*. 110 Engelhardt 68. Heimaturlaub. Juni 1943. Bl. 3–4.

7 *Weiß H.* Baltische Selbstbehauptung im 20. Jahrhundert // *Wir Balten*. München, 1951. S. 326–327.

ственного элитного статуса. На практике, однако, это часто приводило к взаимному отрицанию. Так, значительная часть балтийских немцев не признавала участие иноэтничных сообществ в создании культурно-исторического облика края. Напротив, со стороны не-немецкого населения все чаще звучали высказывания о «немецком засилье». Столь же энергично балтийцы в массе своей отторгали общероссийские порядки, считая их внедрение нарушением своих исконных прав. Правительство же, балансируя между империей и нацией, склонялось к тому, чтобы лишить немецкие элиты их прежнего статуса и маркировать их как «чужих», реально связанных с Германией, а не с Россией.

Случай Энгельгардта при ближайшем рассмотрении оказывается нетипичным на фоне многих балтийцев. Прежде всего это проявлялось в том, что он был готов делить свою «родину» с ненемецкими соседями. Любопытно, что таким образом выходец из консервативной Курляндии фактически солидаризировался с либеральной идеей «судьбоносной общности» (*Schicksalgemeinschaft*), подразумевавшей, что балтийская неповторимость не является делом рук одних лишь немцев⁸. Вместе с тем локальный патриотизм Энгельгардта все же роднил его с консерваторами. В его представлении «балтийский край» (*Baltenland*) складывался из таких «хранимых Богом уголков» (*Gottesländchen*), как его Шёнхайден. В этом отношении немецкое общество представлялось молодому человеку объединением патриотов, готовых в случае необходимости выступить на защиту родного уголка и, следовательно, общей родины.

Размеренная жизнь в средневековой патриархальности, как оказалось, не была спасением от политических столкновений, свойственных этому времени. Одной из наиболее конфликтных точек стал вопрос наполнения понятия «балтиец». Как уже говорилось, для Энгельгардта это значило быть покровителем для местных «туземцев» и защитником своего края, признанным империей. Сохранение немецкой культуры здесь тоже играло значимую роль, но не было политизированным. Напротив, для множества его земляков сама декларация своей принадлежности к балтийскому сообществу означала неприятие правительственной политики. Это было обусловлено тем, что в условиях русификации и национализации империи немцы Ост-

⁸ Taube A. v. Von Brest-Litovsk bis Libau. Die baltisch-deutsche Führungsschicht und die Mächte in den Jahren 1918/19 // Von den baltischen Provinzen zu den baltischen Staaten. Marburg, 1977. S. 112–113.

зейского края переходили от сословного к этнокультурному сознанию. Выразителем этой тенденции стал ровесник Ойгена — Теодор Адриан фон Рентельн.

Стоит отметить, что судьбы этих двух персонажей были удивительно похожи и нередко шли параллельно друг другу. Кроме того, удивительным образом оба балтийца оказались связаны с Белоруссией. При этом если Энгельгардт соприкасался с белорусами лишь периодически, то Рентельн родился в имении Ходцы Сенненского уезда Могилевской губернии⁹ и рос в непосредственном окружении белорусского большинства¹⁰. К тому моменту Рентельны уже поколениями жили в этих краях, а отец семейства занимал должность гласного уездного земства в Сенно¹¹. Очевидно, Рентельн, одинаково хорошо говоривший по-немецки и по-русски, понимал и местные белорусские говоры. По крайней мере, в своей университетской автобиографии он указал в качестве родного города *Mohilew*, а не *Mogilew*, как это название транскрибировалось с русского¹².

Несмотря на подобные параллели, каждый раз личный политический выбор балтийского немца и его соотнесение себя с общей «родиной» диктовались целым рядом факторов. Если Энгельгардт вырос на Балтике, то для Рентельна она долгое время находилась в разряде ментальных карт. Более того, собственно «балтийские» Рентельны не поддерживали контактов со своими «белорусскими» родственниками, которые уже не считались балтийцами¹³. Из-за этого после переезда в Ригу Теодору пришлось фактически заново социализироваться в немецких школах¹⁴. Кроме того, представители рода Энгельгардтов даже в начале XX в. продолжали занимать значимые должности как у себя дома, так и в высших эшелонах власти. Рентельны же давно превратились в мелкопоместных дворян, которых с империей не связывали вопросы даже чисто экономического благополучия: при всей интен-

9 Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 11. Оп. 1. Д. 3309. Л. 4.

10 *Аникиевич К. Т.* Сенненский уезд Могилевской губернии. Могилев, 1907. С. 101.

11 Памятная книжка Могилевской губернии на 1913 год. Могилев, 1913. С. 8.

12 Universitätsarchiv Rostock (UAR). Juristenfakultät. Promotionsakte Theodor von Renteln (1924).

13 DSHI. 190 Krusenstjern. Bl. 06816v.

14 UAR. Juristenfakultät. Promotionsakte Theodor von Renteln (1924).

сивности ведения хозяйства Ходцы давали в среднем всего 700 рублей в месяц¹⁵. В этом смысле, если для Энгельгардта белорусские работники были неотъемлемой частью его бытия, то в аналогичной картине мира Рентельна они сковывали и привязывали к России.

Здесь мы можем видеть, как противоборство центра и провинции способствовало превращению идентичности в политическое кредо. В таком случае местный патриотизм отодвигался на задний план или вообще нивелировался, а само соотнесение себя с балтийским сообществом становилось формой протеста против имперской власти. Зачастую такой подход подразумевал и отказ от сотрудничества с русской стороной. Иногда это принимало радикальные формы (эмиграция в Германию), хотя большая часть выбирала более мягкие пути сопротивления. К примеру, наследники знатных балтийских семей, желая избежать призыва в армию, стремились поступить в престижный Александровский лицей, делая вид, что хотят сделать карьеру на государственной службе. Так же хотел поступить и Рентельн¹⁶, однако уже после сданного экзамена он все же был призван и направлен в офицерское училище. Примечательно, что в годы национал-социализма он скрывал факт службы в русской армии и указывал, что еще в школе якобы подвергался преследованиям за свои «пронемецкие» взгляды¹⁷.

Таким образом, в действительности Рентельн скорее хотел быть уже просто «немцем», нежели чем «балтийским немцем». Его декларируемая «балтийскость» была лишена двух важнейших компонентов этой идентичности — привязанности к «малой родине» и имперского элемента в виде династической лояльности, чего нельзя сказать об Энгельгардтах. Так, в сентябре 1915 г. они, подобно ряду курляндских помещиков, не стали дожидаться прихода германских войск и эвакуировались в Ригу¹⁸. Можно не сомневаться, что, если бы его год призывался в армию, Энгельгардт-младший не стал бы уклоняться от воинской службы. В конце 1918 г. он одним из первых вступил в Балтийский ландесвер (местное немецкое ополчение) и больше года участвовал в боях против Красной армии. Напротив, Рентельн уже в начале 1919

15 Аникиевич К. Т. Сенненский уезд... С. 118, 124.

16 ЦГИА СПб. Ф. 11. Оп. 1. Д. 3309. Л. 3.

17 Starcke G. NSBO und Deutsche Arbeitsfront. Berlin, 1934. S. 238–240; Der Großdeutsche Reichstag 1938. Berlin, 1938. S. 359.

18 Engelhardt E. v. Ritt nach Riga: Aus den Kämpfen der Baltischen Landeswehr gegen die Rote Armee 1918–20. Berlin, 1938. S. 17.

г. перебрался в Германию и не вернулся на Балтику, чтобы воевать с большевиками, как это сделало множество его бывших земляков.

Примечательно, что, вспоминая о событиях 1918–1920 гг. на Балтике, Энгельгардт особо отмечал латгальских белорусов, в чьих «тесных избах» были расквартированы бойцы ландесвера. Описывая белорусскую «любовь к родному наделу» (*Scholle*), автор, очевидно, соотносил эти ощущения со своими¹⁹. В каком-то смысле для Энгельгардта принцип территории и общности исторических судеб превалировал над культурными и даже этническими факторами. Такая позиция, нечастая среди балтийцев, роднила Энгельгардта с белорусскими «краёвыми» патриотами. Как известно, сторонники идеи «краёвости» исходили из того, что все жители исторической Литвы, независимо от их этнокультурной и социальной принадлежности, составляли одну нацию. По их мнению, этому способствовали местная самобытность и проистекавший из нее локальный патриотизм, когда каждый человек становился «гражданином края»²⁰.

Существенным отличием здесь, однако, было то, что Энгельгардт подразумевал наличие над подобным сообществом некоего наднационального регулирующего механизма. До революции им была правящая династия (в широком смысле — империя). В новых условиях наследник балтийских феодалов, как это будет показано ниже, пытался увидеть аналогичную силу в «государстве фюрера». Нет сомнений, что на протяжении всей оставшейся жизни Энгельгардт пытался адаптировать свой «край» и его разномастное население к тем реалиям, которые в принципе не предполагали его существования. Напротив, живым выражением новой эпохи как раз становился Рентельн. В качестве генерального комиссара оккупированной Литвы он проводил «четкую и неуклонную линию» на «утверждение германского превосходства» в регионе, «получившем для немецкого народа судьбоносное значение»²¹.

Жизнь вторая: Годы странствий (1918–1934)

Вихрь Первой мировой войны и революции вырвал юного Энгельгардта из размеренного бытия. Ликвидация монархии и последовавший распад Российской империи стали для него, как и для всех местных немцев, неким психологическим рубежом. С одной стороны, закончи-

19 Engelhardt E. v. Weissruthenien... S. 9.

20 Смелянчук А. Ф. «Краёвая ідэя» ў беларускай гісторыі. Мінск, 2017. С. 10–11.

21 Deutsche Zeitung im Ostland. 1941. № 83. S. 3–4.

лось многолетнее противоборство с центром и связанная с ним внутренняя напряженность в балтийском сообществе. Тем не менее немецкие элиты, в особенности земельная аристократия, искали того, кто бы мог обеспечить их права²². В этом смысле обращение к «германскому отечеству» нисколько не противоречило старой имперской лояльности и носило больше инструментальный, чем моральный характер.

На момент происходящего Ойгену фон Энгельгардту едва минуло 18 лет. Поскольку текущая неопределенность не располагала к далеко идущим планам на будущее, молодой барон выбрал традиционную для своей семьи военную стезю. Для этого в феврале 1918 г. он получил в Рижской реальной гимназии, которую посещал последние шесть лет, так называемый «аттестат военного времени» (*Notabitur*)²³. По немецким законам он досрочно выдавался тем, кто хотел поступить на службу в армию, для чего выпускные экзамены принимались в облегченной форме. Через неделю после окончания школы молодой Энгельгардт поступил в престижный 1-й гвардейский полк прусских улан²⁴, однако строевую службу ему нести не пришлось. Дело в том, что еще до того, как немцы оккупировали всю территорию Белоруссии, в военном и политическом руководстве Германии шли оживленные дискуссии о том, как в будущем будет структурировано пространство на Востоке. В условиях повсеместного экономического и культурного доминирования поляков германская сторона, как и ранее российские власти, стремилась по возможности артикулировать те отличия, которые бы выделили польские сообщества из общей массы населения.

Здесь военная администрация сразу же столкнулась с рядом серьезных проблем. Первая из них состояла в соотнесении этнографических и языковых областей, границы которых часто не совпадали друг с другом. Как писал непосредственный участник событий Ханс Цемке, ареалы распространения литовского, польского и белорусского языков не были замкнутыми и порой настолько переплетались между собой, что невозможно было определить языковую принадлежность многих уездов. Это существенно затрудняло реализацию германской образовательной и национальной политики на оккупированной территории²⁵.

22 *Taube A. v.* Von Brest-Litovsk... S. 119–120.

23 *Rigasche Zeitung*. 1918. № 46. S. 4.

24 *Bundesarchiv Berlin (BArch)*. R 16/6379. Personalakten über Eugen v. Engelhardt. Bl. 1v.

25 *Zemke H.* Der Oberbefehlshaber Ost und das Schulwesen im Verwaltungsbereich Litauen während des Weltkrieges. Berlin, 1936. S. 50–53.

С другой стороны, различные политические группы интересов пытались трактовать историческое наследие края в свою пользу. В частности, между литовцами и белорусами происходили серьезные столкновения относительно территориальной принадлежности Гродно²⁶.

В этом отношении Энгельгардт оказался в нужное время и в нужном месте. Привлечение местной немецкой молодежи к решению военных задач было повсеместной практикой кайзеровских военных на занятых территориях. Так, Райнхарт Маурах (1902–1976), один из лучших знатоков Восточной Европы своего времени, 16-летним подростком был переводчиком и консультантом германской армии в оккупированном Крыму²⁷. Этот сценарий был актуален и для Энгельгардта. Помимо того, что он был местным уроженцем и прекрасно разбирался в локальном многообразии, у него обнаружился талант к языкам. Так, молодой солдат свободно владел русским, хорошо знал польский, мог читать на идиш²⁸ и, вероятно, также понимал латышский и литовский. Насчет белорусского языка Энгельгардт делает любопытное замечание в своей автобиографии 1938 г., указывая, что использует «исключительно литературную версию» (*vollkommen dialektfrei*)²⁹. Таким образом, непонятно, имелась ли в виду уже кодифицированная к тому времени белорусская языковая норма или же Энгельгардт, как и в случае с мухобродами, считал, что уже в юности говорил именно по-белорусски.

Благодаря своим способностям Энгельгардт сперва был направлен в штаб Главного командования «Восток» (*Ober Ost*) в Ковно, откуда совершил служебную поездку к месту дислокации полка — в Потсдам, впервые побывав на исторической родине. В начале октября 1918 г. он получил новое назначение, в так называемое «зарубежное вспомогательное подразделение» (*Auslandshilfsstelle*) в Орше. Очевидно, подобные структуры были одновременно призваны пропагандировать новый строй и заниматься разведывательной работой. Хотя в ту пору между Германией и советской Россией существовали дипло-

26 Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі. Вільня, 1998. Т. 1. С. 316–327.

27 *Nerlich V. A Baltico ad Euxinum: Reinhart Maurach und die Frühzeit der deutschen Ostrechtsforschung.* Berlin, 2015. S. 183.

28 ВArch. R 16/6379. Bl. 13v; DSHI. 110 Engelhardt 68. Erinnerungen. Bl. 1.

29 ВArch. R 16/6379. Bl. 4.

матические отношения, Энгельгардт не скрывал, что «был прикомандирован к разведслужбе на большевистском фронте»³⁰.

Следует отметить, что с этим коротким, около месяца, пребыванием на демаркационной линии связан важный, во многом определяющий этап биографии Энгельгардта. На фоне критического положения Германии по ту сторону границы происходило усиление большевиков, сумевших в экстремальных условиях не только удержаться у власти, но и укрепить ее. Одновременно с этим в печати стали появляться первые свидетельства очевидцев, бежавших из советской России, согласно которым русская революция на самом деле носила еврейский характер. Так началось распространение аффекта «еврейского большевизма», разрушительной стихии, готовой в любой момент обрушиться на Европу. Масла в огонь добавило и то, что 6 ноября 1918 г. советский полпред в Германии Адольф Иоффе, по обвинению в подготовке революции был выслан за пределы страны и интернирован в оккупированном Минске.

Как представляется, к тому моменту в сознании Энгельгардта, переживавшего крушение уже второй империи за последние два года, тоже возникло конспирологическое представление об участии в этих процессах некой злонамеренной внешней силы. В массовом сознании она зачастую связывалась с евреями. Много лет спустя, уже в годы работы в Берлине, Энгельгардт указывал, что царское правительство было единственным правительством в мире, которое сумело распознать истинную опасность еврейства и стремилось всеми средствами защитить население от его «разлагающего влияния». Более того, все подрывные движения в России, по мнению Энгельгардта, также финансировались евреями³¹. Большевики, соответственно, тоже не были здесь исключением. На ярко антисоветский характер высказываний Энгельгардта, очевидно, повлияло и то, что в апреле 1920 г. латышский коммунист совершил покушение на его отца, от последствий которого тот скончался³².

С другой стороны, в условиях наступившего хаоса, когда русские разделились на белых и красных, а вчерашние соседи — латыши, литовцы и поляки — формировали свои национальные государства, ряд образов, связанных с «балтийской родиной», стал для Энгель-

30 Ibid. Bl. 3v–4, 14.

31 *Engelhardt E. v. Jüdische Weltmachtpläne: die Entstehung der sogenannten Zionistischen Protokolle.* Leipzig, 1936. S. 8.

32 *Engelhardt E. v. Ritt nach Riga...* S. 148–149.

гардта своего рода духовной константой. Его тяготение к ней было настолько сильным, что, уже будучи партийным функционером в Берлине, он при первой возможности вернулся в родные края, чтобы заниматься родительским имением. Те, кого Энгельгардт рассматривал как белорусов, тоже занимали здесь важное место и выступали своеобразным символом стабильности и неизменности³³. Даже спустя годы, воображая Белоруссию, он отталкивался от своих юношеских представлений.

Дальнейшая судьба Энгельгардта тоже во многом оказалась определена этим комплексом образом и событий. В течение полутора лет, с ноября 1918 до мая 1920 г., он сражался за свой край, а вместе с ним и за уходящую в прошлое эпоху, в составе немецких добровольческих соединений — сперва Железной дивизии, а затем кавалерийского отряда своего отца. После того как большая часть семейных владений была национализирована латвийским правительством, Энгельгардт выехал в Германию. Воспоминания о детстве, проведенном среди курляндских лесов, привели его в 1922 г. в Высшую лесную школу в Эберсвальде под Берлином, которую он окончил три года спустя лучшим в своем выпуске. После стажировки в Институте природных ресурсов в Вене Энгельгардт ровно год, с февраля 1926 по февраль 1927 г., проработал в лесном управлении Силезской палаты сельского хозяйства в Бреслау³⁴, чтобы затем отправиться на другой конец света — в Австралию.

Доподлинно неизвестно, что подвигло Энгельгардта совершить столь далекий вояж. Среди наиболее очевидных причин было ухудшение экономического положения и безработица в Германии. Как бы то ни было, 27 декабря 1927 г. дипломированный лесовод поднялся на борт парохода «Крефельд» в Бремене, чтобы почти через два месяца, 18 февраля 1928 г., сойти на австралийский берег в Аделаиде. Уже через две недели Энгельгардт приступил к работе в горах Лофти Ренджес, продолжив ее в Куипо, большом рукотворном лесу³⁵. Начав как обычный вальщик деревьев, вчерашний эмигрант быстро стал специалистом по лесоустройству в местном департаменте лесного хозяйства и по долгу службы много путешествовал по стране. Консерватор лесов штата Южная Австралия характеризовал Энгельгардта как «лесовода высочайшей категории» и очень сожалел, когда тот оставил

33 Engelhardt E. v. Weissruthenien... S. 10.

34 BArch. R 16/6379. Bl. 4, 7.

35 The Register. 1928. № 27224. P. 11.

свое место³⁶. Прожив в Австралии неполных два года, Энгельгардт отправился на Самоа, а оттуда — на Таити, где провел в общей сложности полгода, прежде чем в конце 1930 г. вернуться в Латвию.

В первые дни нового 1931 г. в Немецком охотничьем клубе в Риге прошло выступление Энгельгардта, посвященное его поездке в южные моря. Как сообщал корреспондент газеты «Рижское обозрение», докладчик, имевший возможность «заняться вопросами колониальной политики и расовыми исследованиями», указывал на малочисленность населения Австралии и ее незащищенность перед внешними вызовами. Ссылаясь на мнение известного немецкого географа Альбрехта Пенка, Энгельгардт указывал, что уже в ближайшее время может начаться «ожесточенная борьба между отдельными нациями и расами» за жизненное пространство. Перед австралийцами в этом смысле вставала альтернатива: либо заполнить свой малонаселенный континент «белыми» колонистами (прежде всего немцами), либо пасть жертвой азиатского нашествия³⁷. Сложно однозначно судить, насколько австралийские впечатления повлияли на предыдущие конспирологические представления Энгельгардта. Тем не менее вскоре после своего возвращения он вступил в контакт с представителями нацистской партии — главой штурмовиков Восточной Пруссии Карлом Литцманом и референтом Имперского управления по аграрной политике Карлом Мотцом. Закономерным стало и выступление Энгельгардта в НСДАП в марте 1931 г. Как следует из его досье, следующие три года он «работал для партии на Балтике»³⁸.

В данном контексте, однако, нас интересует не эта размытая формулировка, а те тенденции, которые лежали в ее основе. Прежде всего следует отметить, что после образования национальных государств в балтийском регионе местные немцы потеряли свой элитный статус и многие имущественные преференции, по сути превратившись в проблемное меньшинство. Это актуализировало общественные дискуссии о собственной идентичности, в результате которых германобалтийское сообщество раскололось. Старшее поколение призывало к умеренности и поиску компромисса с латышами, тогда как молодежь была настроена куда более решительно. В представлении радикалов балтийским немцам следовало рассматривать себя как часть «большой германской нации», которая с приходом к власти Гитлера сделала

36 BArch. R 16/6379. Bl. 11.

37 Rigasche Rundschau. 1931. № 13. S. 22.

38 BArch. R 16/6379. Bl. 3v.

первый шаг к «национальному возрождению». Одновременно с этим балтийцам надлежало вернуть себе прежнее социальное положение³⁹. Так сформировалось национал-социалистическое движение немцев Латвии. Его главным действующим лицом стал молодой рижский адвокат Эрхард Крёгер (1905–1987), будущий генерал СС. По совпадению, он ходил с Энгельгардтом в одну школу, а его отец родился и вырос в Витебской губернии.

С другой стороны, в условиях военно-политического и идеологического противостояния Германии и Польши вопрос обеспечения безопасности границ рейха на «дальнем Востоке» приобретал стратегическое значение. Следуя этой парадигме, Берлин стремился нащупать наиболее уязвимые места польского государства. Таким образом ряд территорий, в том числе Латвия, Литва и Белоруссия, оказались в зоне особого внимания германских правительственных структур. В этой связи общепринятой практикой стало привлечение интеллектуалов (чаще всего из «восточных» университетов — Кёнигсберга и Бреслау) для разработки экспертных заключений по данному региону. Известно, что с 1936 по 1938 г. восточное пограничье Речи Посполитой, в первую очередь Виленский край, неоднократно посещали специалисты по соответствующей тематике, такие как Вернер Конце (1910–1986), Петер Шайберт (1915–1995) и Готхольд Роде (1916–1990). Не был обойден вниманием и белорусский вопрос, которому был посвящен ряд публикаций названных авторов⁴⁰. Помимо чисто научных изысканий, ими изучались возможности взаимодействия с непольскими сообществами для внутреннего ослабления польского государства.

Очевидно, в своей «работе» Энгельгардт имплицитно склонялся ко второй тенденции. По его словам, уже в 1932 г. он сопровождал Литцмана и Мотца в поездке по Курляндии и выступал для них экспертом по «вопросам Востока»⁴¹. В общественных дебатах Энгельгардт, скорее всего, не смог бы отнести себя ни к одному, ни к другому лагерю. Так, «старые» консерваторы были для него слишком инертны, а «молодые» радикалы, в отличие от него, не были активными

39 *Schröder M.* Deutschbaltische SS-Führer und Andrej Vlasov, 1942–1945. Paderborn, 2001. S. 21–28.

40 *Conze W.* Die weißrussische Frage in Polen. Berlin, 1938; *Scheibert P.* Der weißrussische politische Gedanke bis 1919 // Jomsburg. 1938. Bd. 2. S. 335–354; *Rhode G.* Die Weißruthenen // Jahrbuch des Osteuropa-Instituts zu Breslau. 1941. Bd. 2. S. 52–77.

41 *Engelhardt E. v.* Weissruthenien... S. 10.

участниками событий 1918–1920 гг. Тем не менее его активность не осталась незамеченной для властей. В 1934 г. Энгельгардт был выслан из Латвии и переехал в Берлин.

Жизнь третья: Интеллектуал (1934–1942)

Вновь оказавшись в Германии, Энгельгардт решил придать своим изысканиям институциональную форму. С июля 1934 г. он начал работать в Объединении германских антикоммунистических организаций, более известном как Антикоминтерн, работавшем при ведомстве Геббельса. Специализируясь на изучении «взаимосвязей еврейства и большевизма», Энгельгардт в качестве директора соответствующего института считался «одним из лучших и наиболее объективных знатоков» в своей теме. Под его руководством, несмотря на нехватку средств, был налажен выпуск книг и брошюр, а также организована тематическая картотека и собраны библиотечные фонды⁴².

Тем не менее уже в ноябре 1935 г. Энгельгардт неожиданно ушел со всех своих постов. Ни в документах, ни в личных записях причины этого шага не прослеживаются. Как можно предположить, на поле своей деятельности Энгельгардт столкнулся с острой конкуренцией, исходившей, как представляется, от Германа Грайфе (1902–1945) и Теодора Адамхайта (1899–1942). Первый занимался изучением «мировоззренческих связей большевиков и мирового еврейства», второй — Красной армии как «орудия советского империализма», то есть именно теми сюжетами, на изучение которых безраздельно претендовал Энгельгардт. Отличительной чертой Грайфе и Адамхайта было то, что они, будучи «имперскими немцами», родились и выросли в Москве. Исходя из этого, они считали, что разбираются в русской специфике лучше не только своих «коллег по цеху», но и других «русских» немцев. Оба персонажа имели тот же административный вес: Грайфе возглавлял Институт по научному изучению Советского Союза, Адамхайт впоследствии встал во главе Русского научного института — и, в отличие от усердного, но незаметного администратора Энгельгардта, были живыми символами своих организаций.

Воспользовавшись разрешением латвийского правительства вернуться обратно, Энгельгардт в начале 1936 г. уехал из Берлина. Следующие два года он провел в своем имении и в Германии вновь появился лишь осенью 1938 г. В карьерном плане ему пришлось начинать всё практически с нуля. Благодаря содействию своего рижского земляка,

42 ВArch. R 16/6379. Bl. 13–13v.

профессора Берлинского университета Герхарда фон Менде (1904–1963), в январе 1939 г. Энгельгардту удалось устроиться на полставки в отдел по планированию поселений на Востоке аппарата имперского руководителя по делам крестьян⁴³. Очевидно, Менде также довел до сведения непосредственного начальника Энгельгардта, что последний, в силу своего происхождения, мог бы быть полезен в качестве эксперта. В результате Энгельгардту, учитывая его владение русским и «знание текущей ситуации в рассматриваемых им областях», действительно была поручена не чиновная работа, а сбор и обработка источников по методам поселенческой политики⁴⁴.

Очевидно, именно в это время Энгельгардт вообразил, что его подлинной задачей является исследование белорусской проблематики. Еще будучи служащим, он познакомился с Карлом фон Лёшем, директором Института пограничных и зарубежных исследований. По его просьбе Энгельгардт подготовил большую статью о белорусах Августовского района, ставшую его первой научной публикацией. Говоря об актуальности темы, автор отмечал, что лишь немногие в Германии знают о северо-западной группе восточных славян, именующей себя «белорусы» несмотря на то, что их территория непосредственно граничит с немецкой⁴⁵. Вместе с тем это был как раз тот случай, когда заголовок плохо коррелировал с содержанием. По большей части текст представлял собой сумбурный пересказ исторических событий и отдельных географических, статистических и иных фактов, связанных с белорусами. Непосредственному предмету исследования была посвящена буквально пара страниц в конце статьи. По ходу повествования Энгельгардт воспроизводил некоторые элементы национального нарратива, характерного для белорусской диаспоры того времени. Так, среди прочего он подчеркивал, что у белорусов лучше всего сохранился изначальный древнеславянский расовый тип⁴⁶.

Между тем актуальность работы Энгельгардта только возросла после образования общей германо-советской границы: то, что до этого было «дальним», стало «ближним» Востоком. Именно эта метафора стала названием сборника, в котором вышла указанная статья.

43 Engelhardt E. v. Weissruthenien... S. 10–11.

44 BArch. R 16/6379. Bl. 16.

45 Engelhardt E. v. Die Weißrussen und die Vielvölkerecke von Augustowo-Wystiten // Aus dem nahen Osten. Berlin, 1940. S. 31.

46 Engelhardt E. v. Die Weißrussen... S. 32. Ср.: Чужыловіч А. [Зуземль Э.] Мова, народ, раса // Крывіч. 1923. № 4. С. 33.

Воодушевленный первоначальным успехом, Энгельгардт решил продолжить свои изыскания. Как ни парадоксально, повод для этого дала тяжелая болезнь. В конце апреля 1939 г. Энгельгардт по собственному желанию уволился из своего ведомства и вновь уехал в свои курляндские владения⁴⁷, где его застало начало Второй мировой войны. По словам Энгельгардта, узнав об этом, он сразу же выехал на машине в Кёнигсберг. Там он явился в окружной военкомат и получил назначение переводчиком в штаб 3-й армии, которая двигалась на Варшаву с севера через Польский коридор. После окончания кампании Энгельгардт участвовал в организации лесного ведомства, откуда был направлен в Седлецкое лесничество, где местный врач установил у него начинающийся туберкулез легких. Следующие полтора года, до мая 1941 г., Энгельгардт провел в различных имениях, которыми управлял его брат, и на горном курорте в Закопане, пока вновь не вернулся в армию в качестве офицера для особых поручений⁴⁸.

Очевидно, как раз в период лечения Энгельгардт смог вернуться к своим занятиям. В конце 1940 — начале 1941 г. он подготовил обширную (порядка 150 страниц) рукопись, посвященную Белорусской ССР. До наших дней сохранилось не менее дюжины экземпляров этой работы, три из которых автор этих строк держал в руках в Берлине и Москве. Во всех случаях она являет собой размноженную на копировальном аппарате машинопись, сшитую под ярко-красной обложкой. Помимо современных библиотечных штампов, экземпляры не несут никаких владельческих пометок. Из этого можно заключить, что рукопись либо носила черновой характер, либо была выполнена для служебного пользования, то есть в любом случае предназначалась узкому кругу лиц. Заказчик текста также неизвестен. Судя по его основной направленности (землепользование и продовольственное снабжение), им могло быть одно из подразделений Имперского управления по делам крестьян, где Энгельгардт работал до этого. Впрочем, это могла быть и его частная инициатива.

Любопытно, что, помимо страноведческой информации, в тексте содержались и практические рекомендации. В преддверии вторжения вермахта в Советский Союз Энгельгардт подчеркивал, что немцы возвращаются в Белоруссию как «освободители от ненавистных большевиков». Белорусов он характеризовал как пассивных, не слишком сообразительных и аккуратных, однако преданных, усердных и привыч-

47 BArch. R 16/6379. Bl. 32.

48 DSHI. 110 Engelhardt 68. Erinnerungen. Bl. 1–4.

ных к тяжелой работе людей, которыми при правильном обращении легко руководить. По словам Энгельгардта, следовало воздерживаться от проявления грубости, так как в противном случае белорус хотя и будет подчиняться, но без почтения, поскольку не будет рассматривать своего начальника как «истинного господина»⁴⁹. Подобные высказывания не были лишь умозрительными наблюдениями, а соотносились с политической позицией Энгельгардта. В той же работе он указывал, что поскольку в своем текущем виде советская республика как единое целое «относится к области расселения белорусского народа», то разделять ее следует лишь по экономическим соображениям. Кроме того, как считал автор, белорусскую территорию лучше было бы сохранить и в политическом отношении как отдельный субъект, который уже можно было бы соотнести с экономическими потребностями рейха⁵⁰.

Эти идеи Энгельгардт развил уже в своей монографии «Белорусия: страна и ее народ». Материал для своего *opus magnum* он начал собирать еще до войны в Берлине, главным образом в Прусской государственной библиотеке. Помимо этого, Энгельгардт, несомненно, пользовался книжными фондами университетских структур — Славянского и Русского институтов⁵¹. В библиотеке последнего, в частности, были собраны издания белорусских организаций, действовавших в довоенной Литве. Работу над книгой Энгельгардт продолжал и после начала войны на Востоке. Из-за невозможности находиться в действующей армии по состоянию здоровья, он был переведен в Восточное министерство, занимавшееся оккупированными территориями, и направлен в Минск. Там Энгельгардт находился по крайней мере до конца весны 1942 г.⁵²

Несмотря на то, что рукопись, судя по датировке предисловия, была завершена уже к февралю 1942 г., прошло больше года, прежде чем она увидела свет. Примечательно, что книга в итоге была выпущена издательством *Volk und Reich*, которое специализировалось на актуальной политической, а не научной литературе. Поскольку сам автор находился на Востоке, текст редактировал и готовил к печати

49 Engelhardt E. v. Die Weissrussische Sozialistische Sowjet-Republik. [Berlin], [1940]. S. 73–74.

50 Ibid. S. 3.

51 Biełarusika ŭ berlinskich biblijatekach // Biełaruski Student. 1942. № 2. S. 7–10.

52 DSHI. 110 Engelhardt 68. Erinnerungen. Bl. 5.

его берлинский коллега Вернер фон Гарпе⁵³. Основная часть 350-страничной книги распалась на две примерно одинаковые части по три раздела в каждой. Первая была посвящена истории Белоруссии и национального развития белорусов, вторая касалась географических, экономических и демографических особенностей рассматриваемой территории.

Как показывает текстологический анализ, экономико-географические сюжеты были практически без изменений взяты Энгельгардтом из предыдущей работы. Лишь кое-где в них заметны следы редакторской правки и политическая актуализация — так, к примеру, словосочетание «Белорусская ССР» заменено на идеологически верное «белорусское пространство»⁵⁴. Для написания раздела про этнорасовые характеристики белорусов Энгельгардт, наряду со старой рукописью, использовал материал своей статьи 1940 г., заостряя его на нужных моментах. Те фрагменты, которые отсутствовали в двух протографах, Энгельгардт дописал в Минске, используя служебные документы⁵⁵.

В первой части Энгельгардт воспроизводил концепцию Всеволода Игнатовского, популярную у национально ориентированных белорусских авторов. Согласно ей, история Белоруссии делилась на пять периодов: полоцкий (IX–XIII вв.), литовско-белорусский (XIII–XVI вв.), польский (XVI–XVIII вв.), российский (XVIII в. — 1917 г.) и современный, начавшийся после крушения Российской империи⁵⁶. При этом Энгельгардт умудрялся сочетать несочетаемое. Используя в качестве методологии концепцию Игнатовского, фактуру он брал из идейно противопоставленных ему работ «западнорусистов» Алексея Сапунова и Помпея Батюшкова. Стоит отметить, что этот момент ярко характеризует мышление Энгельгардта как балтийца, допускавшего широкую автономию сообществ в рамках имперской модели.

Как признавал сам автор, его труд носил компилятивный характер и имел множество недостатков. По его словам, он хотел бы выпустить книгу после войны, и только отсутствие релевантной ли-

53 *Engelhardt E. v. Weissruthenien...* S. 12.

54 *Engelhardt E. v. Die Weissrussische Sozialistische Sowjet-Republik. Einleitung.* S. 19; *Engelhardt E. v. Weissruthenien...* S. 281.

55 *Engelhardt E. v. Weissruthenien...* S. 277; *Der Generalbezirk Weißruthenien. Raumplanungsentwurf.* Berlin, 1941. S. 5.

56 *Игнатовский В. М. Белоруссия: Территория, население, экономика, важнейшие моменты истории.* Минск, 1926. С. 25–45; *Engelhardt E. v. Weissruthenien...* S. 27.

тературы по тематике подвигло его сделать это немедленно⁵⁷. Тем не менее следует сказать, что в научном плане книга Энгельгардта в принципе не представляла собой ничего новаторского. Он опирался на давно известные публикации по теме, а многие разделы либо уже устарели, либо теряли актуальность в быстро менявшейся реальности. Это отмечал и белорусский рецензент, указывая, помимо прочего, на большое количество фактических ошибок и плохое знакомство Энгельгардта с новейшей литературой. Вместе с тем книге придавалось «особенное значение» как единственной в своем роде и открывавшей Белоруссию западноевропейскому читателю. Как было сказано в рецензии, автор вспоминал, как белорусы помогали его семье в критические минуты, и теперь вернул «старый долг признательности белорусскому народу»⁵⁸.

Таким образом, работа Энгельгардта имела скорее символическое значение. Насколько можно полагать, автор изначально рассматривал ее как нечто большее, чем просто информирование публики о белорусской проблеме. Еще до войны он настаивал на сохранении Белоруссии как единого политического целого, апеллируя к чистоте «расовой сущности» белорусов. Несомненно, для Энгельгардта рейх представлял своеобразной федерацией «расово полноценных» сообществ, где национал-социалистическая идеология играла роль имперской лояльности. В этом смысле подобный регионализм белорусов, которые могли бы занять свое место в освобожденном от большевизма «крае», в представлении Энгельгардта был вполне допустим.

Стоит заметить, что, помимо подготовки книги, им были сделаны определенные шаги и в политической плоскости. Перед самым началом войны Энгельгардт подготовил для экономического штаба «Ост» меморандум, который предлагал использование белорусов для обеспечения интересов Германии. Очевидно, он не знал, что Белоруссия уже была отнесена к так называемой «голодной зоне», то есть должна была давать продовольствие за счет ограничения потребления местных жителей. На тот момент и военные, и административные структуры согласились с таким подходом⁵⁹. По справедливому замечанию немецких историков, книга Энгельгардта, безотносительно к ее достоинствам и доброжелательному отношению к белорусам, до сих пор находится

57 Engelhardt E. v. Weissruthenien... S. 11.

58 Загорны П. Книга аб Беларусі // Раница. 1944. № 188/189. С. 3.

59 Gerlach Ch. Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weissrussland 1941 bis 1944. Hamburg, 1999. S. 56–58.

«в тени поисков жизненного пространства на Востоке»⁶⁰.

Поскольку текущая политика шла вразрез с представлениями Энгельгардта, он в итоге предпочел удалиться из Минска в Новогрудок. Один из активистов Белорусской партии независимости, местный уроженец Борис Рогуля, указывал, что Энгельгардт не поехал туда добровольно, а был сослан за свою позицию⁶¹. Впрочем, скорее всего, это был обдуманый выбор: с одной стороны, Энгельгардт хотел вернуться в близкую ему лесную среду, а с другой — попытаться перейти от слов к делу.

Жизнь четвертая: Ополченец (1942–1945)

К моменту первого прихода немцев в 1915 г. Новогрудок, когда-то важный польско-литовский город, представлял собой небольшое местечко, в основном населенное евреями. Вместе с тем он являл собой знаковое место для поляков и белорусов. В первом случае он символизировал «старосветскую шляхетскую традицию», во втором был одним из центров, вокруг которого формировалось Великое княжество Литовское. Как указывает белорусский историк Александр Быстрик, в условиях нейтральной позиции немецких властей усилилось соперничество этих двух национальных проектов в борьбе за лояльность местного населения⁶². Хочется добавить, что это противостояние в том или ином виде пережило и первую оккупацию, и межвоенный период. После небольшого перерыва, связанного с приходом советской власти, оно разгорелось вновь.

60 Handbuch der Geschichte Weißrußlands. Göttingen, 2001. S. 20–21.

61 Юрэвіч Л. Жыццё пад агнём. Партрэт беларускага военачальніка і палітычнага дзеяча Барыса Рагулі на фоне яго эпохі. Менск, 1999. С. 148.

62 Быстрик А. Новогрудок в годы Первой мировой войны (1914–1915 гг.) // Города империи в годы Великой войны и революции. М., 2017. С. 239–241, 267.

Можно лишь гадать, был ли Новогрудок выбран Энгельгардтом намеренно или речь идет о простом совпадении. Как бы то ни было, начало его службы (лето 1942 г.) ознаменовалось заметным подъемом партизанской активности — как советской, так и польской. Ситуация осложнялась тем, что диверсанты из Армии Крайовой (АК) не только пользовались советским оружием и обмундированием, но и говорили между собой по-русски. Из-за этого и местные жители, и немцы были уверены, что это действия советских партизан, в том числе отряда имени Чапаева, дислоцированного в районе Налибокской пущи⁶³. Позиции АК усиливало и то, что на Новогрудчине вся низовая администрация была по-прежнему представлена поляками. Учитывая, что большинство белорусского населения бывшей Речи Посполитой было представлено малоземельными крестьянами, активистам белорусского движения было попросту неоткуда набирать командные кадры⁶⁴. Более того, АК удалось внедрить своих агентов как в немецкие органы власти, так и в структуры организованного немцами белорусского самоуправления. Этому способствовало то, что 90% личного состава было опять же набрано из местных уроженцев⁶⁵.

Такое положение не могло не вызывать озабоченности в нацистском руководстве. Чтобы избежать усиления польского элемента в тылу действующей армии, в мае 1942 г. была начата так называемая «польская акция», нацеленная на репрессии чиновников и интеллигенции из числа поляков. Массовые аресты в Новогрудском районе начались в ночь с 28 на 29 июня 1942 г. По версии польской стороны, центральную роль в их организации сыграли, наряду с другими, Борис Рогуля и его дядя Василий Рогуля, бургомистр Дятловского района. В результате Новогрудок и его окрестности стал тем регионом, где победило «белорусское влияние»⁶⁶. Одновременно с этим в июле 1942 г. по распоряжению генерального комиссара Белоруссии Вильгельма Кубе была организована белорусская самооборона — вспомо-

63 DSHI. 110 Engelhardt 68. Erinnerungen. Bl. 6; *Krajewski K.* Der Bezirk Nowogródek der Heimatarmee. Nationalitätenkonflikt und politische Verhältnisse 1939 bis 1945 // Die polnische Heimatarmee. Geschichte und Mythos der Armia Krajowa seit dem Zweiten Weltkrieg. München, 2003. S. 570.

64 *Грыбоўскі Ю.* Польшка-беларускі канфлікт у Генеральнай акрузе «Беларусь» (1941–1944 гг.) // *Białoruskie Zeszyty Historyczne.* 2006. № 25. S. 117–118.

65 *Krajewski K.* Der Bezirk... S. 568–569.

66 *Грыбоўскі Ю.* Польшка-беларускі канфлікт... S. 127–128.

гательные соединения, призванные помогать местной полиции уже в борьбе с советскими партизанами.

Примечательно, что эти события совпали с приездом Энгельгардта в Новогрудок. В этом смысле можно предположить, что он был послан туда, что называется, «для усиления кадров». Здесь возникает очень любопытный вопрос, насколько белорусские активисты воспринимали Энгельгардта как представителя оккупационной власти. Судя по всему, он пользовался у них гораздо большим уважением, чем обыкновенный немецкий функционер. Так, Борис Рогуля упоминает, что Энгельгардт тесно дружил с его дядей Василием и был с ним откровенен⁶⁷. Непонятно, однако, насколько сам бурмистр вникал в текущие задачи национального движения. В мемуарах он подробно описывал военную повседневность, перечисляя своих сотрудников-белорусов и их личные качества, однако не останавливался именно на политической стороне вопроса. Помимо этого, в повествовании Энгельгардта ощущается сильная саморомантизация. Нередко он именуется себя «командиром разбойников» (*Räuberhäuptling*), который ночью вместе с верными соратниками отправляется испытать удачу⁶⁸. Это является очевидной отсылкой к такому средневековому явлению, как «барон-разбойник» (*Raubritter*), то есть рыцарю, который осуществлял власть в своем уделе путем грабежа путешественников. С другой стороны, Энгельгардта вдохновлял пример его отца, в конце 1918 г. организовавшего немецкую самооборону в родном уезде.

Как можно видеть, в саморепрезентации Энгельгардта центральную роль по-прежнему играл принцип «добротного господина», который видел себя ответственным за свой «край» и одновременно изъяснял лояльность высшей власти. При этом подобное феодальное сознание причудливо сочеталось в нем с актуальной повесткой дня. С целью самообороны Энгельгардт создал в зоне своей ответственности некое подобие ополчения, которое получило название «отряд охраны лесных угодий» (*Forstschutzkommando*). Помимо прочего, он также нес вахту на лесопилках и деревообрабатывающих предприятиях. В общей сложности отряд Энгельгардта просуществовал два года — с лета 1942 по лето 1944 г. Он насчитывал 120 человек (50 активных и 70 резервистов), вооруженных, помимо стрелкового оружия, 12 пулеметами и противотанковой пушкой⁶⁹. По мере усиления партизанской

67 Юрэвіч Л. Жыцьцё пад агнём... С. 149.

68 DSHI. 110 Engelhardt 68. Hundegebell in der Nacht. Bl. 1–3.

69 DSHI. 110 Engelhardt 68. Brief vom 7. März 1948.

активности подразделение Энгельгардта перешагнуло рамки лесной стражи, 3–4 раза в месяц устраивая ночные вылазки против партизан. Как указывал сам бурмистр, подобный подход был вдохновлен рассказами о событиях революции 1905 г. (видимо, речь шла о латышских «лесных братьях») и Кавказской войны. Впоследствии Энгельгардт с гордостью отмечал, что за все это время он не потерял ни одного человека убитым или тяжелораненым. Впрочем, там же он указывал, что отряд в основном участвовал в мелких стычках⁷⁰.

С другой стороны, так и остается неясным, против кого же воевали егеря Энгельгардта — «настоящих» советских партизан или бойцов АК, которые выдавали себя за них. На этот вопрос невозможно ответить однозначно. Следует начать с того, что взаимоотношения между «аковцами» и советской стороной были неравномерными. В некоторых случаях они могли выступать против немцев единым фронтом, как это было, к примеру, летом 1943 г. в районе Налибокской пуши. В это же время ближе к Лиде между польскими и советскими отрядами шли жестокие бои, причем «аковцы» сумели одержать верх. В дальнейшем они заняли ряд населенных пунктов, в том числе Ивьё и Юратишки. Показательно, что, описывая в мемуарах неудачный бой под Юратишками, Энгельгардт отмечает, что его команда сражалась именно с «чапаевцами»⁷¹, хотя в этом районе их по идее уже не было. Очевидно, на его восприятие оказали влияние вышеописанные провокации со стороны поляков. Вместе с тем в другом очерке Энгельгардт повествует о более ранних событиях, относившихся к апрелю 1943 г. Тогда под Новогрудком его подчиненные столкнулись с небольшим подразделением, которое по косвенным признакам (наличие среди бойцов выходцев из восточной части Белоруссии) могло быть советским⁷².

Описывая боевые действия своего отряда, Энгельгардт не упускал ни малейшей подробности. Тем не менее, из-за своей малочисленности в условиях «войны всех против всех» он фактически остался незамеченным. Учитывая, что в научной литературе уже высказывались сомнения относительно реальной самостоятельности Новогрудского белорусского эскадрона под командованием Бориса Рогули⁷³, отряд Энгельгардта можно было бы считать первым собственно белорусским

70 DSHI. 110 Engelhardt 68. Erinnerungen. Bl. 5–7.

71 DSHI. 110 Engelhardt 68. Die Tschapajew-Bande. Bl. 1–3.

72 DSHI. 110 Engelhardt 68. Hundegebell in der Nacht. Bl. 1, 6–7.

73 *Грыбоўскі Ю.* Наваградскі эскадрон Барыса Рагулі: вядомае і невядомае // *Białoruskie Zeszyty Historyczne.* 2008. № 30. S. 114.

соединением, если бы мы могли судить о его политических настроениях. Как бы то ни было, в ходе советского наступления в июне 1944 г. большая часть «лесной охраны» организовано отступила в рейх — через Слоним и Волковыск до Белостока, а оттуда через всю Польшу до Позена. Там Энгельгардт оставался до ноября 1944 г.⁷⁴

К этому времени военное поражение Третьего рейха уже было очевидным. Как отмечал Борис Рогуля, первые сомнения в успешном исходе кампании появились у Энгельгардта еще летом 1942 г.⁷⁵ В одном из своих последних писем бывший бурмистр уже прямо говорил, что «всё испортили несколько грубых ошибок: обращение с русскими военнопленными, недалекие партийные бонзы, глупое хвастовство Адольфа»⁷⁶. Несмотря на это, Энгельгардт думал, что еще не все потеряно. Он пытался поддерживать связь со своими бывшими солдатами⁷⁷ и надеялся использовать опыт, полученный во время службы в Белоруссии. Так, в феврале 1945 г. он подготовил для Верховного командования вермахта методичку по партизанской войне и даже сочинил боевую песню для будущих диверсионных отрядов на мотив мелодии «Среди лесов дремучих»⁷⁸. Однако внезапное обострение болезни привело Энгельгардта в госпиталь, откуда он был переведен на лечение в Австрию, где и встретил окончание войны.

Эпилог

Вскоре после капитуляции Германии австрийское правительство постановило выслать из страны всех военнообязанных немецкого происхождения. Так летом 1945 г. Энгельгардт оказался в Баварии. Три года он кочевал по санаториям, пока в августе 1948 г. не оказался в Зимбахе. Туберкулез прогрессировал, не оставляя Энгельгардту никаких шансов. Материально его поддерживали родственники и бывшие подчиненные, присылавшие ему продуктовые посылки из лагерей перемещенных лиц⁷⁹. По совпадению, в непосредственной близости от Зимбаха располагался белорусский лагерь Остерхофен.

Прикованный к постели, Энгельгардт посвятил себя переложению на немецкий язык белорусской поэзии, прежде всего Максима

74 DSHI. 110 Engelhardt 68. Erinnerungen. Bl. 7–8.

75 Юрэвіч Л. Жыцьцё пад агнём... С. 149.

76 DSHI. 110 Engelhardt 68. Brief vom 7. März 1948.

77 Раница. 1944. № 203.

78 DSHI. 110 Engelhardt 68. Brief vom 9. September 1948.

79 DSHI. 110 Engelhardt 68. Erinnerungen. Bl. 9.

Богдановича. Очевидно, переводчик сопоставлял себя и автора не только потому, что тот рано умер от чахотки. Их обоих роднила ностальгическая тоска по родине — об этом говорила сама подборка стихов, причем в немецкой версии она была еще более заострена. Так, переводя безымянное стихотворение Богдановича («Даўно ўжо целама я хварэю...»), Энгельгардт озаглавил его «Мое последнее желание»⁸⁰. Далее он уподобил свое нахождение в Баварии ссылке и отметил, что с радостью примет «вечный покой» в качестве награды от родной земли, хотя в оригинале таких строчек не было, и вообще его характер скорее сентиментален, чем трагичен. Сборник переводов Богдановича был издан Витовтом Тумашем уже после смерти Энгельгардта, в декабре 1949 г.⁸¹

Последние месяцы жизни «барон-разбойник» провел в обществе русских эмигрантов «за оживленными разговорами о прошлых временах и неясном будущем»⁸². Его не стало в ночь с субботы на воскресенье 7 ноября 1948 г. Похоронен он был на маленьком деревенском кладбище недалеко от Зимбаха. В качестве воинских почестей и одновременно в память о страстном увлечении покойного баварский горнист протрубил над могилой «халали» — сигнал об успешном окончании охоты.

* * *

Кем же, собственно, был Ойген фон Энгельгардт? Вероятно, на этот вопрос он бы и сам затруднился дать ответ. Очевидно, указанная «дружба» с белорусами сама по себе не была главным элементом в его самоощущении. Дело в том, что даже на фоне множественной идентичности балтийцев Энгельгардт являл собой нетипичный пример. Так, выраженный феодальный партикуляризм сочетался в нем с представлением о «балтийской родине для всех», а воспитание в «германском духе» — с убежденностью в том, что культура определяет этничность, а не наоборот. Подобные парадоксы, сплавленные с аристократической кастовостью, сформировали противоречивую натуру Энгельгардта. В рамках империи — сначала царской, а потом и гитлеровской — он всякий раз выступал в роли условного «сюзерена»

80 Weißruthenische Heimat-Lyrik von Maksim Bahdanovič. Übertragen von Eugen Freiherrn von Engelhardt. Hildesheim, 1949. S. 12.

81 *Панькоў М.* Хроніка беларускага жыцця на чужыне (1945–1984). Менск, 2001. С. 52.

82 DSHI. 110 Engelhardt 68. Erinnerungen. Bl. 15.

для своих «верных подданных». Белорусы, образ из далекого детства, проведенного в родительских владениях, возникали на этом месте чаще других. В этом смысле показательно высказывание Энгельгардта о том, что организация белорусской «лесной охраны» была тем «воинским деянием», которым он, как «представитель балтийского дворянства шпаги», гордится больше всего⁸³.

Здесь возникает вопрос, в какой степени Энгельгардт мыслил политически и делал ли он это вообще. Действительно, в своих работах он указывал на необходимость существования Белоруссии как «жизненного пространства» для сообщества, не менее развитого и «расово чистого», чем сами немцы. Тем не менее речь здесь шла больше о воображаемом конструкте, который лишь косвенно соотносился с реальностью. Более того, картина мира Энгельгардта фактически состояла из трех слоев. В основе лежало представление о сообществе его «подданных», которое вместе с другими подобными сообществами и их «сюзеренами» формировало «общую родину», которая, в свою очередь, входила в систему лояльности некой верховной власти. В этом отношении идеальной моделью государства для Энгельгардта стала бы домодерная монархия. Если на минуту представить на этом месте Великое княжество Литовское / Первую Речь Посполитую, то все становится на свои места, причем сюда причудливым образом вписывались как «рыцарские» представления Энгельгардта, так и национальная концепция белорусских активистов. В этом смысле не стоит удивляться, что он попал под их влияние.

Эпоха, тем не менее, неумолимо диктовала свои правила. Наступало время «тотальных государств», которые формировали стандартизованные идентичности, в лучшем случае вытесняя «отклонения от нормы» в сферу частного. Очевидно, Энгельгардт ощущал, что ему суждено быть маргиналом. Скорее всего, именно с этим связан его своеобразный эскапизм, когда всем карьерным соображениям он предпочитал уединенность «малой родины». Кроме того, его саморомантизация затмевала самую мрачную реальность. Вспоминая о событиях партизанской войны на Новогрудчине, Энгельгардт описывал их как самые яркие и захватывающие впечатления в своей жизни⁸⁴, которые с ним разделяли его верные белорусы.

83 Ibid.

84 DSHI. 110 Engelhardt 68. Die Tschapajew-Bande. Bl. 5.

Источники и литература

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб).

Bundesarchiv Berlin (BArch).

Dokumentensammlung des Herder-Instituts (DSHI).

Universitätsarchiv Rostock (UAR).

Аникиевич К. Т. Сенненский уезд Могилевской губернии. Могилев: Могилевский губернский статистический комитет, 1907. 148 с.

Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі. Вільня; Менск: Наша Ніва, 1998. Т. 1. 850 с.

Быстрик А. Новогрудок в годы Первой мировой войны (1914–1915 гг.) // Города империи в годы Великой войны и революции. М.: Нестор-История, 2017. С. 238–271.

Грыбоўскі Ю. Польшка-беларускі канфлікт у Генеральнай акрузе «Беларусь» (1941–1944 гг.) // *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. 2006. № 25. S. 116–167.

Грыбоўскі Ю. Наваградскі эскадрон Барыса Рагулі: вядомае і невядомае // *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. 2008. № 30. S. 101–114.

Загорны Р. Кніга аб Беларусі // *Раніца*. 1944. № 188/189.

Игнатовский В. М. Белоруссия: Территория, население, экономика, важнейшие моменты истории. Минск: Государственное издательство Белоруссии, 1926. 96 с.

Максімовіч В. Аўген фон Энгельгардт // *Бацькаўшчына*. 1948. № 41 (44). С. 2.

Памятная книжка Могилевской губернии на 1913 год. Могилев: Могилевский губернский статистический комитет, 1913. 450 с.

Панькоў М. Хроніка беларускага жыцця на чужыне (1945–1984). Менск: Беларускі гістарычны агляд, 2001. 330 с.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1905. Т. 19. Курляндская губерния. 233 с.

Смялянчук А. Ф. «Краёвая ідэя» ў беларускай гісторыі. Мінск: Зміцер Колас, 2017. 458 с.

Чужыловіч А. Мова, народ, раса // *Крывіч*. 1923. № 4. С. 31–34.

Юрэвіч Л. Жыццё пад агнём. Партрэт беларускага военачальніка і палітычнага дзеяча Барыса Рагулі на фоне яго эпохі. Менск: Arche, 1999. 254 с.

Bielarusika ů berlinskich biblijatekach // *Bielaruski Student*. 1942. № 2. S. 7–10.

Bielenstein A. Reiseskizzen aus dem Oberlande. Kurland. Nerft bis Gross-Born // Baltische Monatsschrift. 1882. Heft 8. S. 611–644.

Conze W. Die weißrussische Frage in Polen. Berlin: Bund Deutscher Osten, 1938. 12 s.

Der Generalbezirk Weißruthenien. Raumplanungsentwurf. Berlin, 1941. 38 s.

Der Großdeutsche Reichstag 1938. Berlin: Decker, 1938. 624 s.

Engelhardt A. v. Die Kavaliere von Illuxt: Erinnerungsblätter aus dem Gottesländchen gesammelt von einem alten Kurländer. München: Heimeran, 1949. 78 s.

Engelhardt E. v. Jüdische Weltmachtpläne: die Entstehung der sogenannten Zionistischen Protokolle. Leipzig: Hammer-Verlag, 1936. 103 s.

Engelhardt E. v. Die Weißrussen und die Vielvölkerecke von Augustowo-Wystiten // Aus dem nahen Osten. Berlin: Institut für Grenz- und Auslandsstudien, 1940. S. 31–64.

Engelhardt E. v. Ritt nach Riga: Aus den Kämpfen der Baltischen Landwehr gegen die Rote Armee 1918–20. Berlin: Volk und Reich, 1938. 152 s.

Engelhardt E. v. Die Weissrussische Sozialistische Sowjet-Republik. [Berlin], [1940]. 75 s.

Engelhardt E. v. Weissruthenien: Volk und Land. Berlin: Volk und Reich, 1943. 358 s.

Gerlach Ch. Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weissrussland 1941 bis 1944. Hamburg: Hamburger Ed., 1999. 1231 s.

Handbuch der Geschichte Weißrußlands. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2001. 543 s.

Krajewski K. Der Bezirk Nowogródek der Heimatarmee. Nationalitätenkonflikt und politische Verhältnisse 1939 bis 1945 // Die polnische Heimatarmee. Geschichte und Mythos der Armia Krajowa seit dem Zweiten Weltkrieg. München: Oldenbourg, 2003. S. 563–584.

Nerlich V. A Baltico ad Euxinum: Reinhart Maurach und die Frühzeit der deutschen Ostrechtsforschung. Berlin: E. Schmidt, 2015. 552 s.

Rhode G. Die Weißruthenen // Jahrbuch des Osteuropa-Instituts zu Breslau. 1941. Bd. 2. S. 52–77.

Scheibert P. Der weißrussische politische Gedanke bis 1919 // Jomsburg. 1938. Bd. 2. S. 335–354.

Schröder M. Deutschbaltische SS-Führer und Andrej Vlasov, 1942–1945. Paderborn: Schöningh, 2001. 258 s.

Starcke G. NSBO und Deutsche Arbeitsfront. Berlin: Hobbing, 1934. 258 s.

Taube A. v. Von Brest-Litovsk bis Libau. Die baltisch-deutsche Führungsschicht und die Mächte in den Jahren 1918/19 // Von den baltischen Provinzen zu den baltischen Staaten. Marburg: Herder-Institut, 1977. S. 70–236.

Weiß H. Baltische Selbstbehauptung im 20. Jahrhundert // Wir Balten. München: Akademischer Gemeinschaftsverlag, 1951. S. 326–339.

Weißruthenische Heimat-Lyrik von Maksim Bahdanovič. Übertragen von Eugen Freiherrn von Engelhardt. Hildesheim: Lax, 1949. 13 s.

Zemke H. Der Oberbefehlshaber Ost und das Schulwesen im Verwaltungsbereich Litauen während des Weltkrieges. Berlin: Junker & Dönhaupt, 1936. 120 s.

References

Bundesarchiv Berlin.

Dokumentensammlung des Herder-Instituts (Marburg).

Tsentral'nyĭ gosudarstvennyĭ istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga (Saint Petersburg).

Universitätsarchiv Rostock.

Anikievich, K. T. *Sennenskii uezd Mogilevskoi gubernii*. Mogilev: Mogilevskii gubernskii statisticheskii komitet, 1907, 148 s.

Arkhivy Belaruskai Narodnai Respubliki, t. 1. Vil'nia; Mensk: Nasha Niva, 1998, 850 s.

“Bielarusika ū berlinskich biblijatekach.” *Bielaruski Student*, № 2, 1942, s. 7–10.

Bielenstein, A. “Reiseskizzen aus dem Oberlande. Kurland. Nerft bis Gross-Born.” *Baltische Monatsschrift*, Heft 8, 1882, s. 611–644.

Bystrik, A. “Novogrudok v gody Pervoĭ mirovoi voĭny (1914–1915 gg).” *Goroda imperii v gody Velikoĭ voĭny i revoliutsii*. Moskva: Nestor-Istoriia, 2017, s. 238–271.

Conze, W. *Die weißrussische Frage in Polen*. Berlin: Bund Deutscher Osten, 1938, 12 s.

Chuzhylovich, A. “Mova, narod, rasa.” *Kryvich*, № 4, 1923, s. 31–34.

Der Generalbezirk Weißruthenien. Raumplanungsentwurf. Berlin, 1941, 38 s.

Der Großdeutsche Reichstag 1938. Berlin: Decker, 1938, 624 s.

Engelhardt, A. v. *Die Kavaliers von Illuxt: Erinnerungsblätter aus dem Gottesländchen gesammelt von einem alten Kurländer*. München: Heimeran, 1949, 78 s.

Engelhardt, E. v. *Jüdische Weltmachtpläne: die Entstehung der sogenannten Zionistischen Protokolle*. Leipzig: Hammer-Verlag, 1936, 103 s.

Engelhardt, E. v. “Die Weißrussen und die Vielvölkerecke von Augustowo-Wystiten.” *Aus dem nahen Osten*. Berlin: Institut für Grenz- und Auslandstudien, 1940, s. 31–64.

Engelhardt, E. v. *Ritt nach Riga: Aus den Kämpfen der Baltischen Landeswehr gegen die Rote Armee 1918–20*. Berlin: Volk und Reich, 1938, 152 s.

Engelhardt, E. v. *Die Weissrussische Sozialistische Sowjet-Republik*. [Berlin], [1940], 75 s.

- Engelhardt, E. v. *Weissruthenien: Volk und Land*. Berlin: Volk und Reich, 1943, 358 s.
- Gerlach, Ch. *Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weissrussland 1941 bis 1944*. Hamburg: Hamburger Ed., 1999, 1231 s.
- Gryboŭski, Iu. “Pol’ska-belaruski kanflikt u General’naŭ akruze «Belarus’» (1941–1944 gg.)” *Białoruskie Zeszyty Historyczne*, № 25, 2006, s. 116–167.
- Gryboŭski, Iu. “Navagradski ěskadron Barysa Raguli: viadomae i neviadomae.” *Białoruskie Zeszyty Historyczne*, № 30, 2008, s. 101–114.
- Handbuch der Geschichte Weißrußlands*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2001, 543 s.
- Ignatovskii, V.M. *Belorussia: Territorii, naselenie, ěkonomika, vazhnejšhie momenty istorii*. Minsk: Gosudarstvennoe izdatel'stvo Belorussii, 1926, 96 s.
- Iurėvich, L. *Zhyts' tsė pad agnėm. Partrėt belaruskaga voenachal'nika i palitychnaga dzieiacha Barysa Raguli na fone iago ěpokhi*. Minsk: Arche, 1999, 254 s.
- Krajewski, K. “Der Bezirk Nowogródek der Heimarmee. Nationalitätenkonflikt und politische Verhältnisse 1939 bis 1945.” *Die polnische Heimarmee. Geschichte und Mythos der Armia Krajowa seit dem Zweiten Weltkrieg*. München: Oldenbourg, 2003, s. 563–584.
- Maksimovich, V. “Aŷgen fon Ęngel’gardt.” *Bats’kaŷshchyna*, № 41 (44), 1948, s. 2.
- Nerlich, V. *A Baltico ad Euxinum: Reinhart Maurach und die Frühzeit der deutschen Ostrechtsforschung*. Berlin: E. Schmidt, 2015, 552 s.
- Pamiatnaia knizhka Mogilevskoi gubernii na 1913 god*. Mogilev: Mogilevskii gubernskii statističeskii komitet, 1913i 450 s.
- Pan’koŷ, M. *Xronika belaruskaga zhyts' tsia na chuzhyne (1945–1984)*. Minsk: Belaruski gistorychny agliad, 2001, 330 s.
- Pervaia vseobshchaia perepis' naseleniia Rossiiskoi imperii 1897 g.*, t. 19, Kurliandskaia guberniia. SPb., 1905, 233 s.
- Rhode, G. “Die Weißruthenen.” *Jahrbuch des Osteuropa-Instituts zu Breslau*. Bd. 2, 1941, s. 52–77.
- Scheibert, P. “Der weißrussische politische Gedanke bis 1919”. *Jomsburg*, Bd. 2, 1938, s. 335–354.
- Schröder, M. *Deutschbaltische SS-Führer und Andrej Vlasov, 1942–1945*. Paderborn: Schöningh, 2001, 258 s.
- Smalianchuk, A.F. “Kraėvaia idėia” ŷ belaruskai gistoryi. Minsk: Zmitser Kolas, 2017, 458 s.
- Starcke, G. *NSBO und Deutsche Arbeitsfront*. Berlin: Hobbing, 1934, 258 s.
- Taube, A. v. “Von Brest-Litovsk bis Libau. Die baltisch-deutsche Führungsschicht und die Mächte in den Jahren 1918/19.” *Von den baltischen Provinzen zu den baltischen Staaten*. Marburg: Herder-Institut, 1977, s. 70–236.
- Weiß, H. “Baltische Selbstbehauptung im 20. Jahrhundert/” *Wir Balten*. München: Akademischer Gemeinschaftsverlag, 1951, s. 326–339.

Weißruthenische Heimat-Lyrik von Maksim Bahdanovic. Übertragen von Eugen Freiherrn von Engelhardt. Hildesheim: Lax, 1949, 13 s.

Zagorny, R. "Kniga ab Belarusi". *Ranitsa*, № 188/189, 1944, s. 3.

Zemke, H. *Der Oberbefehlshaber Ost und das Schulwesen im Verwaltungsreich Litauen während des Weltkrieges*. Berlin: Junker & Dünhaupt, 1936, 120 s.

Igor' I. Barinov

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

"A big Friend of the Belarusian people":
Eugen von Engelhardt and his Odyssey

The paper examines the life and legacy of Eugen von Engelhardt (1899–1948), a German-Baltic aristocrat, author of the first German-language monograph on Belarus. A truly adventurous person, Engelhardt had been a soldier, landowner, forestry specialist and he traveled around the world before choosing an academic career. Born and raised in the southeast of Courland, in the places of compact residence of Belarusians, he developed an early interest to the Belarusian problem. Deeply involved in the Nazi movement, Engelhardt was one of the theorists of the so-called "soft line" of occupation policy during the War in the East. It envisaged a number of economic and political preferences for Belarusians, with the aim of fostering collaboration between them and Germans. In his concept, Engelhardt, a native landlord, used a Pre-Modern pattern of feudal relationship between the benevolent German nobles and obedient Belarusian serves, which was in no way compatible with the nature of Nazi politics in the East. Moreover, Engelhardt's approach contained a number of serious flaws. Nevertheless, his main work, "Weissruthenien: Volk und Land", for a long time remained the only work on this region.

Keywords: *Germany, Belarus, Baltic Germans, German-Belarusian relations.*